

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

37 ЛЕТ ЗАГОВОРОВ • ЗАГОВОР ПРОТИВ ПАВЛА I
СВЕРЖЕНИЕ ПЕДРО I ЖЕСТОКОГО • ПЕРЕВОРОТ РИЧАРДА III
ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР • «БУДДИЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ»

Загадки истории (Фолио)

Мария Згурская
Дворцовые перевороты

«ОМІКО»

2012

Згурская М. П.

Дворцовые перевороты / М. П. Згурская — «ОМІКО»,
2012 — (Загадки истории (Фолио))

Людей во все времена привлекали жгучие тайны и загадочные истории, да и наши современники, как известно, отдают предпочтение детективам и триллерам. Данное издание "Дворцовые перевороты" может удовлетворить не только любителей истории, но и людей, отдающих предпочтение вышеупомянутым жанрам, так как оно повествует о самых загадочных происшествиях из прошлого, которые повлияли на ход истории и судьбы целых народов и государств. Так, несомненный интерес у читателя вызовет история убийства императора Павла I, в которой есть все: и загадочные предсказания, и заговор в его ближайшем окружении и даже семье, и неожиданный отказ Павла от сопротивления. Расскажет книга и о самой одиозной фигуре в истории Англии — короле Ричарде III, который, вероятно, стал жертвой "черного пиара", существовавшего уже в средневековье. А также не оставит без внимания загадочный Восток: читатель узнает немало интересного из истории Поднебесной империи, как именовали свое государство китайцы.

© Згурская М. П., 2012

© ОМІКО, 2012

Содержание

37 лет заговоров	5
Что такое «дворцовый переворот»	6
Тайна завещания Петра I и переворот в пользу Екатерины Алексеевны	8
Политические перестановки в эпоху Петра II	20
Анна Иоанновна и ее «кондиции»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

М. П. Згурская

Дворцовые перевороты

37 лет заговоров

Дворцы, балы, маскарады, охоты, пудренные парики, роскошные наряды, изысканные манеры... На этом фоне бурные дворцовые интриги русского «галантного века» представляются захватывающим спектаклем, хотя в действительности они явились следствием серьезных социально-политических процессов, происходивших в российском обществе. История России второй четверти XVIII века характеризовалась острой борьбой дворянских группировок за власть, приводившей к частым сменам царствующих особ на престоле, перестановкам в ближайшем их окружении. Легенда гласит: «Отдать все...» – только и успел написать перед смертью Петр I. И началась в России лихорадочная череда заговоров, смена правителей – время после смерти Петра I называют «эпохой дворцовых переворотов». Шесть царствований на протяжении 37 лет. На русском престоле побывали вдова Петра Великого Екатерина I (1725–1727), его внук Петр II (1727–1730), его племянница герцогиня Курляндская Анна Иоанновна (1730–1740) и внук ее сестры младенец Иван Антонович (1740–1741) – «железная маска» русского престола, и дочь Петра Елизавета Петровна (1741–1761), и преемник Елизаветы Петровны, внук шведского короля Карла XII по отцовской линии и внук Петра I по материнской линии герцог Голштинский Петр III (1761–1762). Замыкает этот перечень жена последнего великая императрица Екатерина II (1762–1796). И практически каждый из названных правителей приходил на престол в результате заговоров и дворцовых переворотов.

Все эти годы процветало искусство придворных интриг, блаженствовали временщики, наживались огромные состояния, день и ночь работала Тайная канцелярия, в чьих стенах томились государственные преступники и хранились страшные государственные тайны. И в то же время Россия заставляла считаться с собой другие государства.

Так что же за роковые тайны скрывает эта беспокойная эпоха и что говорит историческая наука о дворцовых переворотах? Какими событиями была наполнена эпоха дворцовых переворотов?

Что за таинственная история произошла с завещанием Петра Великого? Может быть, оно все же существовало? Почему тогда его воля не была оглашена и кому это было выгодно? Законно ли последующие Романовы занимали российский трон?

Итак, как говорят люди науки, договоримся о терминах.

Что такое «дворцовый переворот»

Само определение «эпоха дворцовых переворотов» принадлежит известнейшему русскому историку В.О. Ключевскому. Его же перу принадлежит самое известное определение дворцового переворота по-русски: «это захват политической власти в России XVIII столетия, имеющий причиной отсутствие четких правил наследования престола, сопровождающийся борьбой придворных группировок и совершающийся, как правило, при содействии гвардейских полков». Впрочем, и до сегодняшнего дня единого научного определения дворцового переворота нет, причем отсутствуют и четкие временные границы этого явления. Так, В. О. Ключевский датирует эпоху дворцовых переворотов 1725–1762 годами. Однако на сегодняшний день существует и другая точка зрения – 1725–1801 годы. (Дело в том, что В.О. Ключевский не мог в публичной лекции, читавшейся в середине 80-х годов XIX века, упоминать о перевороте 1 марта 1801 года – свержении Павла Первого, это было категорически запрещено.)

Дворцовый переворот подразумевает свержение существующего правящего монарха и воцарение на троне нового или смену династии. Но главным является сохранение монархического строя: дворцовый переворот имеет целью смену персоны на троне, но сам трон должен быть неизменным. Поэтому мятежи с целью смены строя, созыва парламента или принятия конституции дворцовыми переворотами не являются. Дворцовые перевороты представляли собой борьбу различных группировок дворянства за власть, а не смену формы правления. Повторяем, перевороты сводились к перемене лиц на престоле и перетряскам в правящих верхах. Существует мнение, что и восстание декабристов 1825 года было также в своем роде дворцовым переворотом, однако это суждение большинство ученых считают спорным и необоснованным.

Почему же стала возможной такая череда заговоров? Понятно, что династические интриги и заговоры около трона придумал не Петр I или его наследники, и в допетровские времена политическая история России знала беспокойные времена. Например, в период малолетства Ивана IV происходила борьба боярских кланов за влияние на малолетнего царя, закончившаяся в 1538 году победой бояр Вельских над Шуйскими. Во времена смуты, когда гвардии еще не было, известен заговор с целью переворота против Василия Шуйского. В 1609 году заговорщики (их число доходило до 300 человек), во главе с Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, обратились к боярам с требованием свергнуть Василия Шуйского. Но бояре просто разбежались по домам ждать конца переворота. Только князь Василий Голицын явился на площадь. Заговорщики бросились за патриархом Гермогеном в Успенский собор и потребовали, чтобы тот шел на Лобное место. Однако заговорщики не нашли поддержки и у него. С криками и руганью бросились они во дворец, но Шуйский не испугался, вышел к ним и спросил: «Зачем вы, клятвопреступники, ворвались ко мне с такой наглостью? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете». Заговорщики, потерпев неудачу, бежали в Тушино, к самозванцу.

Известны дворцовые перевороты, связанные со стрельцкими бунтами времен Софьи Алексеевны, которой помогали начальники стрельцких приказов Хованский и Шакловитов. Но в этих мятежах не было, так сказать, системы, они были спонтанными. У дворцовых же переворотов послепетровского времени были общие предпосылки. И этими предпосылками, по мнению большинства историков, стали:

- 1) указ Петра I от 1722 года о наследии престола;
- 2) большое количество прямых и косвенных наследников дома Романовых;
- 3) противоречия между самодержавной властью, правящей верхушкой и господствующим сословием.

Виновником нестабильности верховной власти в XVIII веке в России оказался именно Петр I, который в 1722 году издал «Устав о наследии престола». Этот нормативно-правовой акт закреплял за самодержцем право назначать себе преемника по своему усмотрению. Таким образом, круг возможных претендентов на престол расширялся. В.О. Ключевский связывал наступление политической нестабильности после смерти Петра I именно с «самовластьем» последнего, решившегося поломать традиционный порядок престолонаследия (когда престол переходил по прямой мужской нисходящей линии). «Редко самовластие наказывало себя так жестоко, как в лице Петра этим законом от 5 февраля», – заключал Ключевский. Однако Петр I не успел назначить наследника: престол оказался отданным «на волю случая и стал его игрушкой». Отныне не закон определял, кому сидеть на престоле, а гвардия, ставшая в тот период «господствующей силой».

Многие историки оценивали 1720–1750 годы как время ослабления русского абсолютизма. В литературе много говорили о «ничтожности» преемников Петра I. Например, по словам Н.П. Ерошкина, автора учебника по истории государственных учреждений дореволюционной России, «преемниками Петра I оказались слабовольные и малообразованные люди, проявлявшие подчас больше заботы о личных удовольствиях, чем о делах государства». «Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжать, ни разрушить; они могли его только портить, – писал об этом времени историк В.О. Ключевский. – После смерти Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой разрываются, после этого разрушения меркнет сама идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах. Самодержавнейшая в мире империя, очутившаяся без установленной династии, лишь с кое-какими безместными остатками вымирающего царского дома; наследственный престол без законного престолонаследия; государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами; сбродный по составу, родовитый или высокочиновный правящий класс, но сам совершенно бесправный и ежеминутно тасуемый. Придворная интрига, гвардейское выступление и полицейский сыск – все содержание политической жизни страны».

Тайна завещания Петра I и переворот в пользу Екатерины Алексеевны

Воцарение Екатерины открыло собой драматическую и еще до конца не понятую историками эпоху дворцовых переворотов середины XVIII века.

Екатерина I сама была довольно загадочной личностью. Так кто же она, первая российская императрица, женщина, которую любил великий Петр? Родилась она католичкой 5 апреля 1684 года (хотя эта дата ставится многими историками под сомнение) и до принятия православия по одним данным ее звали Марта, по другим – Елена, фамилия, которую называют некоторые источники, – Сковрощанко или Скавронская, в то время как другие – Рабе. Происхождение Екатерины тоже точно не известно. Предположительно, она не принадлежала к знатному роду и была дочерью прибалтийского крестьянина – «дочь литвина Самуила Сковрощанко и жены его, именуемой в разных известиях различно». Впрочем, национальность ее четко установить трудно, по разным версиям она – литовка, шведка, полька... украинка. Родители Марты умерли от чумы в 1684 году, и дядя отдал девочку в дом лютеранского пастора Глюка (известного своим переводом Библии на латышский язык) в Мариенбурге (в настоящее время это город Алуksне в Латвии). Марта была в доме скорее служанкой, грамоте ее не учили, хотя по версии, изложенной в словаре Брокгауза и Ефрона, мать Марты, овдовев, отдала дочь в услужение в семью пастора Глюка, где ее будто бы учили грамоте и рукоделиям. Семейное положение Марты до встречи с Петром I было тоже весьма неопределенным: она была то ли вдовой, то ли неразведенной женой шведского солдата...

Захвачена в плен русскими в 1702 году, когда была служанкой пастора Глюка. Пленницу взял сначала в прачки «Шереметьев благородный», потом ее у него выпросил «счастья баловень безродный», то бишь Меншиков, а у того ее отобрал Петр, и в 1703 году она стала его фавориткой.

При крещении в православие Марта получила имя Екатерины Алексеевны. И все бы хорошо, если бы не одно «но»: ее крестный отец – сын Петра царевич Алексей (1690–1718), который был младше Марты на 6 лет (позже был казнен Петром) и стал крестным отцом собственной мачехи. Поэтому в глазах православных россиян ситуация с женитьбой царя выглядела крайне неестественно. Получалось, что Петр женился на своей внучке (отчество Екатерины – Алексеевна – дано по крестному отцу), а Екатерина стала мачехой своего отца (пусть даже и крестного).

Но как бы там ни было, в ноябре 1707 года она была тайно обвенчана с Петром в петербургской Троицкой церкви. В феврале 1708 года родила царю дочь Анну (впоследствии герцогиня Голштинская), а в декабре 1709 года – Елизавету (впоследствии ставшую императрицей и самодержицей российской). У Петра и Екатерины было много детей, но большинство из них умерли в младенчестве. В своей книге «Династия Романовых. Загадки, версии, проблемы» Фаина Гримберг приводит перечень царственных отпрысков: Екатерина (1707–1708), Анна (1708–1728), Елизавета (1709–1761), Мария (1713–1713), Маргарита (1714–1715), Петр (1715–1719), Павел (1717–1717), Наталья (1718–1725). Маленький Петр Петрович считался официальным наследным принцем, законным преемником великого отца на троне, но его ранняя смерть нарушила прямую передачу короны от отца к сыну и явилась одним из побудительных мотивов знаменитого Указа о престолонаследии.

6 марта 1711 года было «всенародно объявлено всем о государыне царице Екатерине Алексеевне, что она есть истинная и законная государыня». 19 февраля 1712 года Петр I торжественно еще раз обвенчался с Екатериной в петербургской Исаакиевской церкви, и их дочери получили официальный статус цесаревен. А 7 мая 1724 года Петр короновал свою любимую жену. В главном храме России – Успенском соборе Московского Кремля – состоялась церемо-

ния коронавания супруги первого русского императора. Французский посол Ж.-Ж Кампредон сообщал в Париж: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга». Примечательно, что все русские царицы (кроме Марины Мнишек) титуловались царицами по мужу. А Петр короновал Екатерину как самостоятельную императрицу, лично возложив на нее корону. Перед коронацией Екатерины происходит знаменательное событие – издание в 1722 году знаменитого указа Петра о престолонаследии, где он из-за смерти сына Петра и измены царевича Алексея отменяет устоявшийся порядок наследования – от отца к сыну – и устанавливает новый – отныне все решает воля монарха: кого посчитает нужным, того и назначит.

Как уже говорилось, в силу своего низкого происхождения Екатерина I была неграмотной и неспособной управлять великой империей. Однако императрицу любили за веселый и ласковый характер, за доброту и заступничество. Так она не раз спасала светлейшего князя Меншикова от страшного гнева Петра. Она поддерживала все начинания своего супруга, всегда была ему опорой и верным другом, любила готовить для него кушанья, чинила одежду. Муж был смыслом ее жизни. Только она и была способна успокоить разгневанного, разбушевавшегося Петра, что случалось довольно часто. Между супругами царило исключительное взаимопонимание и гармония. Если бы не «Монсова история», омрачившая (да еще как!) последние дни императора...

Девятого ноября 1724 года последовал неожиданный арест тридцатилетнего Виллима Монса, брата бывшей фаворитки царя Анны Моне – Монсихи, как ее называли недоброжелатели, молодого и щеголеватого камергера Екатерины. «Это арестование тем более поразило всех своею неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревал и тени какой-нибудь немилости».

Вот как описывает «Монсову историю» в своей «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев: «Коронация Екатерины совершилась в Москве с великим торжеством 7 мая 1724 года. Но через полгода Екатерина испытала страшную неприятность: был схвачен и казнен любимец и правитель ее Вотчинной канцелярии камергер Моне, брат известной Анны Моне. Вышний суд 14 ноября 1724 года приговорил Монса к смерти за следующие вины: 1) Взял у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу с деревнями в ведение Вотчинной канцелярии императрицы и оброк брал себе. 2) Для отказа той деревни посылал бывшего прокурора воронежского надворного суда Кутузова и потом его же отправил в вотчины нижегородские императрицы для розыску, не требуя его из Сената. 3) Взял с крестьянина села Тонинского Соленикова 400 рублей за то, что сделал его стремянным конюхом в деревне ее величества, а оный Солеников не крестьянин, а посадский человек. Вместе с Монсом попались сестра его, Матрена Балк, которую били кнутом и сослали в Тобольск; секретарь Монса Столетов, который после кнута сослан в Рогервик в каторжную работу на 10 лет; известный шут камер-лакей Иван Балакирев, которого били батогами и сослали в Рогервик на три года. Балакиреву читали такой приговор: «Понеже ты, отбывая от службы и от инженерного учения, принял на себя шутство и чрез то Вилимом Монсом добился ко двору его императорского величества, и в ту бытность при дворе во взятках служил Вилиму Монсу и Егору Столетову».

Описание очень детальное, сухое и сдержанное. Из него выходит, что был казнен некий придворный взяточник Моне. Причем вина этого Монса явно не заслуживает смертной казни, довольно и тюрьмы. Да и никого из подельников Монса не казнили. Но у Соловьева есть одно слово, которое намекает на действительную причину казни Монса, – *любимец* жены Петра. Но если заменить слово «любимец» словом «любовник», становится понятна причина казни. Об этом можно узнать в других исторических свидетельствах, а они гласят, что Петр I незадолго до кончины заподозрил в неверности свою жену Екатерину, в которой до этого души не чаял и которой намеревался в случае своей смерти передать престол. Когда Петр собрал достаточ-

ные, на его взгляд, улики о неверности жены, он приказал казнить Монса. А чтобы не выставить себя в смешном и унижительном положении «рогоносца» перед иностранными дворами и собственными подданными, вменил в вину Монсу экономические преступления, которые при желании нетрудно было отыскать почти у каждого чиновника тех времен (да и не только тех).

Имя Екатерины в связи с арестом, следствием и казнью, естественно, не упоминалось – жена Цезаря вне подозрений! Она сохраняла спокойствие и невозмутимость, но попыталась, правда, как делала довольно часто, ходатайствовать перед Петром за арестованного. Император в припадке гнева разбил зеркало, очень красивое и дорогое, бросив многозначительную фразу: «Вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу и уничтожу его!» Екатерина сдержанно, как всегда в таких случаях, ответила: «Разве от этого твой дворец стал лучше?» Однако намек, более чем прозрачный, поняла, зная крутой нрав супруга. Беспрекословно поехала с ним, по его приказанию, поглядеть на отрубленную голову своего фаворита. Инцидент был исчерпан, но доверие к Екатерине у Петра было подорвано. И, скорее всего, от планов передать престол императрице Петр отказался.

События, связанные с казнью Монса и утратой Екатериной доверия Петра, произошли всего за два месяца до смерти царя. В бумагах Монса нашли также факты, компрометирующие ближайших соратников Петра. В Петербурге ждали новых казней. Назывались имена Меншикова (которого Петр отдалил от себя и снял с поста руководителя военного ведомства), царского кабинет-секретаря Макарова и других сподвижников. Говорили, что Петр собирается поступить с Екатериной так же, как английский король Генрих VIII с Анной Болейн. Царедворец Андрей Остерман потом называл своей заслугой то, что он уговорил Петра не рубить голову супруге. Аргумент был таков: после этого ни один порядочный европейский принц не возьмет замуж дочерей Екатерины. Но и при таком – самом удачном – исходе уделом Екатерины в ближайшее время оставался монастырь с тюремными условиями заключения. Здесь показателен пример первой супруги Петра – Евдокии Лопухиной. Когда царь начал «от живой жены» роман с Анной Моне, Евдокия устроила сцену ревности и отлучила его от ложа. Петру только этого и надо было – он быстренько развелся с царицей и заточил ее в монастырь. Так что после того как факт ее измены стал очевидным, Екатерина, зная вспыльчивый нрав Петра, должна была понимать, что ее ожидало.

Когда неверность Екатерины уже не вызвала сомнений, взгляд императора должен был неизбежно обратиться в сторону внука – Петра Алексеевича как единственно возможного наследника престола, хотя Петр I и издал знаменитый указ о престолонаследии (после казни в 1718 году мятежного наследника престола Алексея), который начинается так: «Понеже всем ведомо есть, какую авессаломскую злостию надмен был сын наш Алексей...» Таким образом, исходя из этой самой «авессаломской злости» своего сына, Петр фактически отменил права на престол не только сына Алексея, но и своего внука Петра и по этому указу имел право сам назначать своего наследника. Отменялся старый, освященный традицией порядок передачи царской власти от отца к старшему сыну, а в случае смерти старшего сына – к внуку (если отсутствовал внук, престол переходил к младшему сыну и т. д.). Теперь престол мог достаться Петру Алексеевичу только в том случае, если он сумеет понравиться своему деду. И хотя в глазах всей страны он был единственным легитимным наследником, в церквях царскую фамилию поминали так: «Благочестивейшего государя нашего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, благочестивейшую великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексеевну. И благоверные государыни цесаревны. Благоверную царицу и великую княгиню Параскеву Феодоровну. И благоверного великого князя Петра Алексеевича. И благоверные царевны великия княжны», то есть Петр стоял ниже своих теток-царевен.

Но времена идут, царский гнев утихает, тем более что история измены Алексея давняя, а у императора появился повод, чтобы гневаться на нового изменника, точнее изменницу. Екатерину после того, что случилось, своей наследницей он назначить не мог. Во-первых, Петр

был очень ревнив и не прощал измен. Во-вторых, в соответствии с традиционными монархическими представлениями измена жены монарха приравнивалась к государственной измене. В-третьих, в бумагах Монса нашли много документов, которые вскрывали огромные злоупотребления царицы и ее приближенных, то есть запахло не только амурной, но и прямой государственной изменой.

Дочери Анне престол передать Петр не мог потому, что она была обручена с голштинским герцогом, и к тому же Анна официально отказалась от права на российский трон. Другую дочь – Елизавету – Петр воспринимал как особу легкомысленную и к правлению не готовую. К тому же ее планировали выдать замуж за короля Франции Людовика XV, да и не могла младшая дочь стать в шестнадцать лет императрицей, обойдя свою мать и старшую сестру. Это сильно осложнило бы ей правление, и реальную власть захватил бы все тот же Меншиков, которого Петр от власти «отодвинул». Да к тому же обе дочери считались в глазах народа незаконнорожденными (официальное венчание родителей произошло уже после их рождения) и немками, а потому и не имели священного права на трон. И самое главное – они были очень близки к Екатерине, и измена матери резко уронила и их престиж в глазах отца.

Итак, оставался единственный претендент. Тот самый, который через несколько лет станет Петром II. В его пользу говорило несколько моментов. Во-первых, десятилетний мальчик еще ничего не сделал, чтобы заслужить неприязнь деда. Да, он был сыном изменника Алексея, но рана, нанесенная Алексеем Петру Великому, уже успела зарубцеваться, к тому же Петр-внук не знал ни отца, ни матери, он рос сиротой, и в этом теперь было его преимущество перед цесаревнами. Во-вторых, Петр-младший вырос в новой России, его с детства окружали сподвижники деда, и тот мог видеть во внуке продолжателя своего дела, и продолжателя уж точно ничем не худшего, чем Екатерина и принцессы. В-третьих, вся Россия считала мальчика естественным и законным наследником престола.

Современники указывают, что Петр Великий все время колебался в отношении внука и время от времени выказывал ему сильное расположение. Естественно, в 1724 году колебания должны были закончиться, и Петр, вероятно, остановился на кандидатуре внука как наследника.

Но Петр-внук жил отдельно от деда, у него было свое окружение, поэтому люди из окружения Петра Великого могли опасаться, что с приходом к власти Петра II и возвращением к активной деятельности первой жены Петра Великого – Евдокии – они потеряют свое влияние. А некоторые из них (участники убийства царевича Алексея – отца наследника и сына Евдокии) опасались даже жизни лишиться. Поэтому противников наследования Петра II в окружении Петра I было более чем достаточно.

28 января (8 февраля) 1725 года первый российский император скончался, не оставив четких указаний о судьбе престола. За стенами кабинета, где он умирал, давно царили смятение и тревога: отсутствие завещания Петра создавало драматическую ситуацию, судьба императорского престола должна была решиться в столкновении придворных «партий» – группировок знати, высшего чиновничества и генералов.

Президент Тайного совета и министр герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского (1700–1739) – мужа дочери Петра I Анны (и фактически основателя династии, которая правила Россией до 1917 года) – граф Г.Ф. Бассевич (лицо крайне заинтересованное в возведении на освободившийся русский престол тещи герцога Екатерины или жены герцога Анны) оставил записки, в которых указывал, что рука Петра I застыла, когда он хотел написать имя своего преемника, а голос онемел, когда он хотел сказать это имя своей дочери Анне Петровне, жене упомянутого герцога. Записки Бассевича служили одним из главных источников рассуждений о смерти Петра Великого для историков.

Эпохальный труд по истории России создал Сергей Михайлович Соловьев, как до него Карамзин. Но Карамзин закончил свою «Историю государства Российского» описанием собы-

тий начала XVII века. Поэтому первоисточники по истории XVII–XVIII веков (куда полностью вписывается жизнь Петра Великого) поднял именно Соловьев в своей 29-томной «Истории России с древнейших времен». И все последующие историки занимались в основном тем, что другими словами переписывали историю Соловьева, кое-что уточняя и дополняя. Правда, Соловьев жил и работал в стране, которую возглавляли люди, считавшиеся потомками Петра I и Екатерины I, и, естественно, не мог открыто описывать все нелицеприятные моменты, всю изнанку взаимоотношений коронованной четы, но часто между строк можно прочесть то, что историк желал смягчить «политкорректности ради».

Вот как о последних днях жизни Петра Великого писал Соловьев в своей «Истории». «К неприятностям от Монсовой истории присоединились неприятности от неисправимого Меншикова, у которого Петр принужден был отнять президентство в Военной коллегии; президентом ее был назначен князь Репнин. Макаров и члены Вышнего суда были также обвинены во взятках. Все это действовало на здоровье Петра. Он доживал только 53-й год своей жизни. Несмотря на частые припадки болезни и на то, что уже давно сам себя называл стариком, император мог надеяться жить еще долго и иметь возможность распорядиться великим наследством согласно с интересами государства. Но дни его уже были сочтены; никакая натура не могла долго выдерживать такой деятельности. Когда в марте 1723 года Петр приехал в Петербург по возвращении из Персии, то его нашли гораздо здоровее, чем как он был перед походом. Летом 1724 года он сильно занемог, но во второй половине сентября начал, видимо, поправляться, гулял по временам в своих садах, плавал по Неве. 22 сентября у него сделался сильный припадок, говорят, он пришел от него в такое раздражение, что прибил медиков, браня их ослами; потом опять оправился; 29 сентября присутствовал при спуске фрегата, хотя сказал голландскому резиденту Вильду, что все чувствует себя немного слабым. Несмотря на то, в начале октября он отправился осматривать Ладожский канал, вопреки советам своего медика Блюментроста, потом поехал на Олонецкие железные заводы, выковал там собственными руками полосу железа весом в три пуда, оттуда отправился в Старую Руссу для осмотра солеварень, в первых числах ноября поехал водою в Петербург, но тут, у местечка Лахты, увидав, что плывший из Кронштадта бот с солдатами сел на мель, не утерпел, сам поехал к нему и помогал стаскивать судно с мели и спасать людей, причем стоял по пояс в воде. Припадки немедленно возобновились; Петр приехал в Петербург больной и не мог уже оправиться; дело Монса также не могло содействовать выздоровлению. Петр уже мало занимался делами, хотя и показывался публично по обыкновению. 17 января 1725 года болезнь усилилась; Петр велел близ спальни своей поставить подвижную церковь и 22 числа исповедался и приобщился; силы начали оставлять больного, он уже не кричал, как прежде, от жестокой боли, но только стонал.

26 числа ему стало еще хуже; освобождены были от каторги все преступники, невинные против первых двух пунктов и в смертоубийствах; в тот же день над больным совершено елеосвящение. На другой день, 27 числа, прощены все те, которые были осуждены на смерть или на каторгу по военным артикулам, исключая виновных против первых двух пунктов, смертоубийц и уличенных в неоднократном разбое; также прощены те дворяне, которые не явились к смотру в назначенные сроки. В этот же день, в исходе второго часа, Петр потребовал бумаги, начал было писать, но перо выпало из рук его, из написанного могли разобрать только слова «отдайте все...», потом велел позвать дочь Анну Петровну, чтоб она написала под его диктовку, но когда она подошла к нему, то он не мог сказать ни слова. На другой день, 28 января, в начале шестого часа пополудни, Петра Великого не стало. Екатерина находилась при нем почти безотлучно; она закрыла ему глаза».

Основным источником версии Соловьева были уже упомянутые «Записки» Бассевича. Но ведь Бассевич был лицом, крайне заинтересованным в воцарении Екатерины I, и поэтому к его показаниям нужно относиться очень осторожно. Таким образом возникает вопрос – почему

такой проницательный историк, как Соловьев, принял на веру столь сомнительные показания голштинского министра?

Чтобы понять причину доверия Соловьева к версии графа Бассевича, необходимо сказать несколько слов о самом историке. Сергей Михайлович Соловьев родился в семье священника и только исключительно благодаря своему таланту и трудолюбию достиг очень высоких государственных должностей. Соловьев стал доктором наук в 27 лет, в 30 – ординарным профессором, в 51 год – ректором Московского государственного университета, в 52 года – академиком. Был также деканом исторического факультета, директором Оружейной палаты. Соловьев преподавал студентам, выступал с публичными лекциями, занимался общественной деятельностью, внимательно следил за всеми новинками в области литературы, истории, историографии, политологии, географии... Он написал множество исторических работ, в числе которых колоссальная 29-томная «История России с древнейших времен». Разумеется, такую карьеру в царской России мог сделать не просто талантливый и трудолюбивый человек. Здесь требовалась еще и определенная лояльность к властям. А Россию во времена Соловьева возглавляли потомки Екатерины I и ее дочери Анны Петровны: Александр I, Николай I, Александр II и так далее. Причем, трон потомкам Анны передала ее сестра (другая дочь Екатерины I) Елизавета Петровна. То есть Россией во времена, когда Соловьев писал свой труд, правили потомки людей, которые в 1725 году отчаянно боролись с внуком Петра Великого – Петром II. И хотя Петр II позже ненадолго занял престол, ему не удалось на нем закрепить свое потомство, так как умер он в неполные 15 лет.

Конечно, такой ученый, как Соловьев, не стал бы фальсифицировать историю в угоду царям, но он был осторожен (говоря о Монсе, он называл его не любовником, а любимцем прапра...бабки царей Екатерины I, то есть вроде бы и правду сказал, и «верхи» не обидел). Иными словами, Соловьев был во время своей работы так же свободен, как любой советский историк, пишущий историю КПСС. Кроме того, существовала такая вещь, как цензура, и если бы Соловьев был негоден властям, то не печатали бы каждый год по тому его «Истории». Поэтому в историю с легкой руки историка Соловьева вошла такая удобная и литературная версия о слабеющей руке и немеющем языке Петра. Она стала официальной и хрестоматийной и кочует теперь по всем учебникам. А ведь возможно, что окружение умирающего Петра I сфальсифицировало его последнюю волю, не допустив передачи престола законному наследнику Петру Алексеевичу.

Чье имя могло быть поставлено после слов «Отдайте все...»? Тот же граф Бассевич пишет, что, кроме слов «отдайте все...», были и другие, но их не смогли разобрать.

Безусловно, не «смогли разобрать» имя «Петр Алексеевич», будь там имя Екатерины или Анны, герцогини Голштинской, разобрали бы без труда, и не пришлось бы им тогда прибегать к столь экстраординарным мерам, как государственный переворот.

Екатерина находилась при Петре безотлучно и закрыла ему глаза после смерти. Продиктовать Екатерине Петр ничего не мог при всем желании – есть все основания полагать, что писать она толком так и не научилась. Но если бы его последняя воля была выражена в пользу Екатерины, не потребовалось бы чертить слабеющей рукой ее имя или звать Анну. Указ бы написали, подписали и огласили без промедления. Есть, конечно, небольшая вероятность того, что Петр все же решил передать трон Анне, но ее имя тоже не нужно было скрывать. Правление Анны ничем плохим Екатерине и Меншикову не грозило. Екатерина в любом случае оставалась бы вдовствующей императрицей, а Меншиков, имея под рукой гвардию, стал бы реально править от имени обеих государынь. Но, скорее всего, Петр не стал бы передавать престол жене чужеземного герцога, ведь отречься Анну он заставил, когда *уже знал* о деле Монса. С чего бы это он вдруг передумал? А вот внука своего Петра Алексеевича от престола отдалил, когда *еще не знал* о «Монсовой истории», то есть надеялся на Екатерину как на достойную преемницу.

Но почему же тогда не было изготовлено фальшивое завещание Петра в пользу Екатерины? Вряд ли в окружении Меншикова не было ни одного умельца подделывать почерк или заинтересованные лица были отягощены высокоморальными принципами. Но в тех условиях, когда все знали о разрыве императора с женой, такой бумаге никто бы не поверил, могли бы обвинить в подлоге – да и не нужна была такая бумага после того, как царь официально короновал Екатерину как императрицу. Главное – не допустить появления указа другого рода. Царская власть имела такой характер, что самодержец мог одним росчерком пера отменить все законы империи, в том числе и свои прошлые указы. А имя Петра Алексеевича противоречило воле самой многочисленной, влиятельной и, что важно, ближайшей Петру I группировки.

Различные исторические источники смутно намекают на наличие какого-то таинственного документа, они говорят, что Петр писал что-то, а что – не ясно. К тому же, по сей день жива легенда о некоем сокрытом завещании Петра. Таким документом мог быть только акт о передаче власти Петру II. Любой иной сокрытию не подлежал.

Итак, если остановиться на том, что завещание Петра I было не написано или уничтожено, то есть так или иначе – не оглашено, то претендентов на трон после смерти Петра I оставалось трое: Екатерина Алексеевна, ее младшая дочь Елизавета Петровна и внук Петра I, сын царевича Алексея, 10-летний Петр Алексеевич. Старшая дочь Петра Анна в 1724 году под присягой отказалась от русского престола за себя и свое потомство. Но по иронии судьбы именно ее потомки и занимали русский престол до самого конца в 1917 году. Акт отречения нужен был Петру I для того, чтобы иноземный герцог не стал править Россией. Петр понимал, что герцогу Россия нужна лишь для решения проблем своей маленькой Голштинии. Но несмотря на этот акт, была попытка передать российский престол Анне и герцогу после смерти Екатерины I¹.

Решить, кто займет место на престоле, должно было ближайшее окружение императора, высшее чиновничество и высшие военные чины.

Права великого князя Петра Алексеевича, внука Петра I, сына царевича Алексея (будущего Петра II) отстаивали представители родовой аристократии (в первую очередь, князья Голицыны и Долгоруковы), считавшие его единственным законным наследником, рожденным от достойного царской крови брака. Народное большинство также было за единственного мужского представителя династии (только раскольники не признавали его потомком царя, так как он родился от брака с иностранкой).

Однако «новая» служивая знать, «птенцы гнезда Петрова» во главе с самым влиятельным лицом петровской эпохи А.Д. Меншиковым и вступившим в союз с Меншиковым дипломатом и сподвижником Петра I Андреем Ивановичем Остерманом, желала воцарения Екатерины. За нее были граф Толстой, генерал-прокурор Ягужинский, канцлер граф Головкин и многие другие, они не могли надеяться на сохранение полученной от Петра I власти при Петре Алексеевиче. К тому же на их стороне выступала гвардия, которая была предана до обожания императору; эту привязанность она переносила и на императрицу Екатерину.

И в противовес альянсу Меншикова – Остермана в России существовала еще одна группировка, которая сплотилась вокруг герцога Голштинского, мужа старшей цесаревны Анны Петровны. Герцог Голштинский также пытался повлиять на исход событий, хотя по брачному контракту 1724 года эта чета лишалась права наследования российского престола. Однако даже то, что герцог был введен в состав Верховного тайного совета, не помогло ему сколько-нибудь

---

¹ Цену подобных актов можно видеть на примере самой Анны Петровны. Екатерина I, умирая, завещала престол Петру II, но указала, что если тот умрет бездетным – престол должен перейти к Анне либо ее наследникам. Петр II умер бездетным и акт Екатерины не отменял, однако члены Верховного тайного совета нарушили волю императрицы и самочинно пригласили на трон другую Анну – Иоанновну – дочь брата Петра I. А наследник Анны Петровны (она умерла сразу же после его рождения, еще до смерти Петра II) стал императором Петром III в 1761 году только благодаря перевороту 1741 года, когда сестра Анны – Елизавета – захватила власть.

повлиять на события (он не говорил по-русски и вообще имел весьма слабое представление о жизни в России).

В конце концов, именно Екатерина I стала российской императрицей. Ключевский суммирует сведения первоисточников: «28 января 1725 года, когда преобразователь умирал, не оставив последней воли, собрались члены Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился: старая знать, во главе которой стояли князья Голицыны, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя – Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя, члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Меншиковым во главе, стояли за императрицу-вдову.

Пока сенаторы совещались во дворце по вопросу о престолонаследии, в углу залы совещаний как-то появились офицеры гвардии, неизвестно кем сюда призванные. Они не принимали прямого участия в прениях сенаторов, но, подобно хору в античной драме, с резкой откровенностью высказывали об них свое суждение, грозя разбить головы старым боярам, которые будут противиться воцарению

Екатерины. Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой. Оказалось, что там стояли два гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами – князем Меншиковым и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал князь Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», – добавил он».

Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы, благодаря «силовой» поддержке удалось убедить всех противников Екатерины отдать ей свой голос. Сенат «единодушно» возвел ее на престол, назвав «всепресветлейшей, державнейшей великой государыней-императрицей Екатериной Алексеевной, самодержицей Всероссийской», и в оправдание объявив об истолкованной Сенатом воле покойного государя. Народ был очень удивлен восшествием женщины на престол впервые в российской истории, однако волнений не было.

28 января (8 февраля) 1725 года Екатерина I взошла на престол Российской империи благодаря поддержке гвардии и вельмож, возвысившихся при Петре. В России началась эпоха правления императриц – до конца XVIII века правили, за исключением нескольких лет, женщины.

После смерти Петра I Екатерина царствовала всего два года. Придя к власти, Екатерина I из всех сил стремилась показать, что ее правление будет гуманным (были освобождены многие опальные сановники и преступники) и что все останется, как и при Петре. Действительно, сохранялись все принятые при Петре традиции и праздники.

Фактическую же власть в царствование Екатерины сосредоточил князь и фельдмаршал Меншиков, а также Верховный тайный совет. Екатерина же была полностью удовлетворена ролью первой хозяйки Царского Села, полагаясь в вопросах управления государством на своих советников. Ее интересовали лишь дела флота – любовь Петра к морю коснулась и ее. Весной 1725 года был спущен на воду большой новый корабль, заложенный еще Петром. Он назывался «*Noli me tangere*» – «Не тронь меня». Спуски кораблей с Адмиралтейской верфи, расположенной на берегу Невы в центре города, были любимым делом Петра. Обычно он сам руководил всей ответственной и очень символичной церемонией спуска новых кораблей.

Короткое царствование Екатерины I славно в истории России открытием Российской Академии наук. Петр, задумавший это дело, не успел его закончить – целый год ушел на переписку с заграницей, ведь в России не было тогда ни одного профессионального ученого. Их всех пришлось приглашать из Германии, Франции и других стран. Императрица приняла первых академиков и благосклонно выслушала речь на латыни профессора Якоба Германа. Он приветствовал императрицу как продолжательницу великого просветительского дела Петра.

В целом в царствование Екатерины I никаких коренных перемен в государстве не произошло. Не было ни шагов вперед, ни возврата к прошлому. Это была очаровательная женщина, но слабая правительница, которая жила, по словам В.О. Ключевского, «благополучно и даже весело, мало занималась делами, распустила управление». Императрица проводила время в развлечениях, устраивала балы, празднества и пиры. Вельможи хотели управлять при женщине и теперь действительно добились своего. Некоторым недалёковидным людям из окружения Екатерины показалось, что теперь они могут не особенно церемониться и с самой государыней, чья мягкость и беспечность разительно отличались от стиля правления Петра. Таким неосмотрительным оказался крупнейший церковный деятель архиепископ Феофан, позволивший себе публично и весьма неодобрительно высказаться о персоне Екатерины и заведенных при ее дворе порядках. Строптивое поведение церковного иерарха было воспринято как бунт. Так же скоро, как и при Петре, было организовано следствие и суд, который приговорил Феофана к смерти. Екатерина, впрочем, продемонстрировала свое великодушие: заменила Феофану смертную казнь заточением в монастырской тюрьме.

Женщина, сидевшая на троне, показала всем, что и в слабых женских руках самодержавная власть в России остается непререкаемой и никому не будет позволено пренебречь ею. В этом состояло поразительное своеобразие всего российского XVIII века – слабость и даже недееспособность правителя (правительницы) еще не означала слабости режима, всей структуры власти самодержавия.

Чтобы сохранить силу режима, была нужна некая структура, эту силу осуществляющая. Вступление на престол Екатерины I вызвало необходимость такого учреждения, которое могло бы разъяснять положение дел императрице и руководить деятельностью правительства, к чему Екатерина не чувствовала себя способной. Таким учреждением стал Верховный тайный совет. Он был учрежден в 1726 году по предложению П.А. Толстого и стал высшим учреждением в государстве. Совет получил право назначать высших чиновников, ведать финансами, Совету подчинялись Военная, Адмиралтейская коллегии, коллегия Иностранных дел и даже Сенат, который стал именоваться Высоким (а не Правительствующим). Сенат сначала был принижен до такой степени, что решено было посылать ему указы не только из Совета, но даже из прежде равного ему Святейшего Синода. Влияние Сената резко упало.

Членами Верховного тайного совета были назначены генерал-фельдмаршал светлейший князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, государственный канцлер граф Головкин, граф Толстой, князь Голицын и барон Остерман. Через месяц в число членов Совета включен был и зять императрицы, герцог Голштинский, на радение которого, как официально заявлено императрицей, «мы вполне положиться можем». Таким образом, Верховный тайный совет первоначально был составлен почти исключительно из «птенцов гнезда Петрова». Но уже при Екатерине I один из них, граф Толстой, был вытеснен Меншиковым, а при Петре II и сам Меншиков очутился в ссылке, граф Апраксин умер, герцог Голштинский давно перестал бывать в Совете, и из первоначальных членов Совета остались трое – Голицын, Головкин и Остерман. Но все это будет позже, а пока вернемся во времена Екатерины.

Совет имел широкие полномочия, ограничивающие царскую власть, он стал свидетельством «монархической беспомощности» Екатерины I. Признавая за Советом роль реального правительства страны, следует подчеркнуть, что он формально состоял при особе императрицы, она была Председателем Совета. Сами «верховники» признавали, что Совет является императорским, поскольку Екатерина в нем «президентство управляет», а их долг – «токмо Ея величества ко облегчению» служить. Но, конечно, ее власть над сановниками распространялась ровно настолько, насколько это позволяли сами царедворцы. «Верховники» сообща решали все важные дела, а Екатерина только подписывала присылаемые ими бумаги.

Верховный тайный совет был чисто «абсолютистским органом» и вел свою родословную от негласных советов Петра I, именно у Петра родилась мысль о создании небольшого по

составу, более гибкого, чем Сенат, постоянного органа. Его создание отвечало задаче сосредоточения власти в руках абсолютного монарха. Ту же цель преследовала при Екатерине перестройка работы коллегий (сокращение штатов, тенденция к единоначалию), местного государственного аппарата. Указом от 15 марта 1727 года предписывалось «как надворные суды, так и всех лишних управителей и канцелярии и их конторы, камериров и земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе оставить, а положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод». Екатерина I распорядилась вывести армейские полки «с вечных квартир» и расселить их подгородними слободами. Мера эта, несомненно, облегчала положение крестьян, поскольку содержание полков ложилось, по словам Ключевского, «тяжелым и обидным бременем» на деревню; постоянно «у солдат с мужиками» случались «несогласия».

Но истинным правителем государства был даже не Верховный тайный совет и не Екатерина, а князь Меншиков, всегда имевший почти неограниченное влияние на императрицу. Его и Екатерину связывала давняя дружба; по мнению многих историков, они просто нуждались в помощи друг друга, чтобы противостоять своим врагам. С первых же дней царствования Екатерины именно Меншиков стал главным человеком в правительстве и фактическим правителем России. Он сыграл решающую роль при вступлении Екатерины на престол и теперь хотел получить все сполна: власть, почет, деньги, титулы и чины.

Смерть Петра освободила Меншикова от вечного страха наказания за многочисленные проступки. Теперь он был свободен! И тотчас же в нем пышным цветом расцвели те черты характера, которые он, хотя и тщетно, скрывал при жизни быстрого на расправу Петра: жадность, безмерное честолюбие, дерзкая уверенность в своем праве подавлять других людей.

Это только увеличивало и без того немалое число его врагов. Против него выступали древнейшие знатные роды Голицыных, Долгоруковых, Шереметевых, Апраксиных, которые считали светлейшего князя зарвавшимся выскочкой. Сопrotивление Меншикову пытался оказать Павел Ягужинский – первый человек в Сенате. В его руки попадало немало документов, позволявших делать выводы о неблагоприятных деяниях Меншикова, и Ягужинский спешил изобличить его. Но Меншикова поддерживали солдаты, могущественная гвардия, и это давало ему преимущество. Пока на троне была Екатерина I, Меншиков мог быть спокоен, но он понимал, что царствование первой российской императрицы шло к закату, и борьба за власть в придворных группировках разгоралась все сильнее. Вопрос о престолонаследии снова встал во всей остроте. Некогда Екатерину удалось легко возвести на престол вследствие малолетства Петра Алексеевича, однако в русском обществе присутствовали настроения в пользу взрослого Петра, прямого наследника династии Романовых по мужской линии. Императрица, встревоженная подметными письмами, направленными против указа Петра I от 1722 года (по которому царствующий государь имел право назначать себе любого преемника), обратилась за помощью к своим советникам.

Вице-канцлер Остерман предлагал для примирения интересов родовой и новой служивой знати женить великого князя Петра Алексеевича на цесаревне Елизавете Петровне, дочери Екатерины. Во избежание возможного в будущем развода Остерман предлагал при заключении брака строже определить порядок престолонаследия. Несмотря на то, что противниками этого брака были Меншиков и сама церковь (не допускавшая брака тетки с племянником), он вполне мог бы осуществиться. Под влиянием Остермана Петр влюбился в свою прекрасную тетку, и от нее зависело направить это весьма горячее чувство к цели, указанной честолюбию будущей императрицы тонким немецким политиком. Но в 17 лет это честолюбие еще недостаточно окрепло. Елизавета в жизни Петра II имела гораздо большее значение, чем он в ее. Петр был еще ребенком – ему шел тринадцатый год, и в глазах гораздо более зрелой Елизаветы он едва ли мог казаться привлекательным. Тем не менее в 1727 году дружба их была очень тесной. Не обольщая своего племянника, Елизавета оторвала его от серьезных занятий и учебников. Будучи бесстрашной наездницей и неутомимой охотницей, она увлекала его с собой на дале-

кие прогулки верхом и на охоту. Но первую любовь она познала не с ним. В том же 1727 году она серьезно увлеклась Александром Бутурлиным. Свидания с императором стали после этого нерегулярными, и вскоре их пути разошлись.

Екатерина, желая назначить наследницей дочь Елизавету (по другим источникам – Анну), не решилась принять проект Остермана и продолжала настаивать на своем праве назначить себе преемника, надеясь, что со временем вопрос разрешится.

Партия во главе с Толстым, более всего содействовавшая возведению на престол Екатерины, могла надеяться, что Екатерина проживет еще долго и обстоятельства могут измениться в их пользу. Остерман грозил восстаниями народа за Петра как единственного законного наследника; ему могли отвечать, что войско на стороне Екатерины, что оно будет и на стороне ее дочерей. Екатерина, со своей стороны, старалась вниманием завоевать привязанность гвардии.

Тем временем главный сторонник Екатерины Меншиков был очень озабочен будущностью. Что будет с ним, если после смерти Екатерины на престол вступит великий князь Петр, дорогу которому к престолу в 1725 году преградил именно он, Меншиков? Оценив перспективу царевича Петра Алексеевича стать российским императором, Меншиков начал опекать следующего претендента на императорскую корону. Князю стало ясно, что не нужно бороться с судьбой – пусть Петр II сядет на престол деда. Но нужно сделать так, чтобы он попал туда при содействии Меншикова, будучи уже его зятем или, по крайней мере, женихом одной из его дочерей. У князя Меншикова было две дочери, Александра и Мария. Младшая, Мария, была помолвлена с польским аристократом Петром Сапегой, юношей изящным и красивым. Но императрица Екатерина как-то высмотрела в толпе придворных миловидного Сапегу и благосклонно ему кивнула. Этого было достаточно, чтобы Меншиков вступил в торг: в обмен на свободу помолвленного с Марией Сапегу он просил дать дочери замену – разрешить помолвить ее с двенадцатилетним великим князем Петром. Именно о таком гешефте и писал осведомленный датский посланник Вестфален: «Государыня прямо отняла Сапегу у князя и сделала его своим фаворитом. Это дало Меншикову право заговорить с государыней о другой приличной паре для своей дочери – с молодым царевичем. Царица была во многом обязана Меншикову – он был старым другом ее сердца. Это он представил ее – простую служанку – Петру, затем немало содействовал решению государя признать ее супругой». Екатерина не могла отказать «старому другу»!

Хитрый план Меншикова очень не понравился ветеранам переворота 28 января 1725 года. Светлейший князь, добиваясь брака своей дочери с Петром, которого он одновременно делал и наследником престола, бросал на произвол судьбы тех, кто в 1725 году помог ему возвести на престол Екатерину. Особенно обеспокоился П.А. Толстой. В руках начальника Тайной канцелярии были многие невидимые нити власти, и вот одна из них задергалась и натянулась – Толстой почувствовал опасность: приход к власти Петра II означал бы конец для него, виновного в смерти отца будущего монарха (Толстой был напрямую причастен к гибели царевича Алексея). Тревожились за свое будущее и прочие сановники – генерал Иван Бутурлин, приведший в ночь смерти Петра ко дворцу гвардейцев, генерал-полицмейстер Антон Девиер и другие. Они ясно видели, что Меншиков перебегает во враждебный им лагерь сторонников великого князя Петра и тем самым предает их. Толстой и дочери Екатерины, Анна и Елизавета, умоляли императрицу не слушать Меншикова и оформить завещание в пользу Елизаветы, но императрица, увлеченная Сапегой, была непреклонна. Да и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он действовал, и притом очень решительно. Как-то в разговоре с Кампредоном о Толстом он был откровенен: «Петр Андреевич Толстой во всех отношениях человек очень ловкий, во всяком случае, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, если бы он вздумал кусаться».

И вот настал час, когда Меншиков достал свой камень – доклад императрице о раскрытом заговоре. Толстой, Девиер, Бутурлин и другие недовольные его поступками были арестованы, их обвинили в подготовке мятежа против императрицы. Меншиков отчаянно спешил: «заговорщики» были допрошены 26 апреля 1727 года, а уже 6 мая Меншиков доложил Екатерине об успешном раскрытии «заговора». Меншикову удалось воспользоваться болезнью императрицы, и она, по его требованию, подписала 6 мая 1727 года, за несколько часов до своей кончины, обвинительный указ против врагов Меншикова. И в тот же день граф Толстой и другие высокопоставленные враги Меншикова были отправлены в ссылку.

Меншиков торжествовал победу. Но тогда, в мае 1727 года, он не знал, что это была пиррова победа, что судьба Толстого вскоре станет его, Меншикова, судьбой, и оба они умрут в один год – 1729-й: Толстой в каземате Соловецкого монастыря, Меншиков – в глухом сибирском городке Березове.

Завещание Екатерины I, по свидетельству историков, было публично подписано за императрицу ее старшей дочерью Анной. Однако В.А. Нащокин в своих «Записках» указывает: «...а о принятии всероссийского престола подписанною духовную ее величество собственною рукою утвердить изволила вселюбезнейшему внуку, государю великому князю, о чем 7 дня мая от его императорского величества выданным манифестом в народ опубликовано». Трон был передан двенадцатилетнему царевичу Петру Алексеевичу, вошедшему в историю под именем императора Петра II. Этого назначения требовали члены Верховного тайного совета, Синода, президенты коллегий, гвардейцы.

Последующие статьи относились к опеке над несовершеннолетним императором; определяли власть Верховного совета, порядок наследования престола в случае кончины Петра Алексеевича. Согласно завещанию, в случае бездетной кончины Петра его преемницей становилась Анна Петровна и ее потомки (десценденты), затем ее младшая сестра Елизавета Петровна и ее потомки и лишь затем родная сестра Петра II Наталья Алексеевна. При этом те претенденты на престол, которые были бы не православного вероисповедания или уже царствовали за рубежом, из порядка наследования исключались. Именно на завещание Екатерины I 14 лет спустя ссылалась Елизавета Петровна в манифесте, излагавшем ее права на престол после дворцового переворота 1741 года. Позже императрица Анна Иоанновна приказала канцлеру Головкину сжечь духовную Екатерины I, что тот и исполнил, тем не менее сохранив копию завещания.

Шестого мая 1727 года в девять часов вечера Екатерина умерла. Правление Екатерины I – волшебная сказка о лифляндской золушке – закончилось.

Политические перестановки в эпоху Петра II

Итак, после смерти Екатерины I в 1727 году снова возник вопрос о передаче власти. На этот раз согласно Тестamentу Екатерины I был объявлен императором именно сын Алексея – Петр II. Кстати, следует отметить, что в июле 1727 года (то есть спустя полтора месяца после смерти Екатерины) Указом Верховного тайного совета был изъят «Устав о наследии престола». При Петре II состав Верховного тайного совета поменялся: из первоначальных членов Совета остались трое – Голицын, Головкин и Остерман, зато были включены братья Долгорукие (князь Василий Лукич, Иван Алексеевич, Василий Владимирович и Алексей Григорьевич). Под влиянием Долгоруких состав Совета изменился: власть в нем перешла в руки княжеских фамилий Долгоруких и Голицыных.

Анна Петровна и руководимая ею голштинская группировка сделали неудачную попытку устроить заговор против Меншикова – Остермана, а в конечном счете – против воцарения малолетнего Петра. (Кстати, в этом заговоре приняли участие не только голштинские немцы, но и русские вельможи, в частности генерал Бутурлин.) Но переворот не удался. А.И. Остерман, сделавшись воспитателем и наставником юного царя, старался выполнять свою работу самым добросовестным образом. Однако, несмотря на все свои старания, опытный дипломат и придворный хитрец так и не сумел оказать должного влияния на мальчика-самодержца. Хотя составленная Остерманом программа обучения включала в себя историю, географию, математику, иностранные языки, танцы, военное дело, закон Божий, дело воспитания шло плохо. Домашние занятия в 1723–1727 годах были нерегулярны. Возведенный на престол после смерти Екатерины I Петр II не интересовался ничем, кроме охоты и удовольствий, не соответствовавших его возрасту и подорвавших его здоровье. Склонности к государственным делам Петр II не проявлял, зато страстно увлекался охотой, собаками, кутежами. По словам одного историка, в это время главным государственным учреждением была псарня.

Петр II демонстративно объявил себя противником преобразований Петра I и ликвидировал созданные его дедом учреждения. Молодой государь не мог ему простить смерти отца, царевича Алексея, и опалы бабки, постриженной в монахини царицы Евдокии, которая в это время была переведена из Ладожского монастыря в московский Новодевичий монастырь. Император очень почтительно к ней относился. Евдокия даже имела планы стать регентшей при несовершеннолетнем императоре, но ей это не удалось. Вся полнота власти перешла к Верховному тайному совету. Иностранные послы писали, что «все в России в страшном беспорядке». Верховный тайный совет собирался редко, а Петр II всецело отдавался развлечениям и не заботился о делах государственных.

Долгое время человеком, который мог влиять на царя, считалась его старшая сестра Наталья Алексеевна. Четырнадцатилетняя девочка (она родилась в 1714 году) была умна, серьезна и воспитанна. Испанский посланник герцог де Лириа, как и многие другие, был буквально влюблен в великую княжну. Он писал: «Наталья не красавица... но что значит красота, когда сердце совершенно», ее «ум, рассудительность и благородство, наконец, все качества ее души выше всякой похвалы». Умная девочка своими советами и выговорами несколько сдерживала буйного братца, и при дворе полагали, что влияние Натальи будет расти. Но в 1728 году у нее началась скоротечная чахотка, и 22 ноября того же года великая княжна утасла.

Разумеется, личное, неформальное общение с государем давало Остерману поистине безграничные возможности – так исподволь готовилось свержение всесильного Меншикова. У Меншикова, казалось, были незыблемые позиции, он поддерживал и опекал Петра II. Фортуна благосклонно улыбалась, придворные раболепствовали перед ним, дела шли хорошо. Император Петр II в присутствии двора и генералитета попросил у светлейшего руки его дочери Марии. Меншиков благосклонно согласился, тем более что накануне Верховный тайный совет

подписал постановление, одобряющее этот брак. И тотчас же началась церемония обручения. Все шло, как Меншиков задумал еще при Екатерине I: еще шаг – и вот он, трон Романовых! Многочисленные гости были смущены и шокированы – до совершеннолетия царя оставалось еще несколько лет, зачем же так спешить с обручением. «Никто не думал, – писали иностранные дипломаты, – чтобы это могло так скоро случиться!» Жених и невеста послушно стояли перед амвоном домово́й церкви Меншикова. Ей исполнилось пятнадцать, а ему – одиннадцать лет. Эта разница в четыре года, вероятно, казалась им огромной, но оба они были, в сущности, игрушками, которыми играли взрослые. Они не знали, что не пройдет и четырех месяцев, как они расстанутся навсегда, но умрут почти одновременно. Мария зачахнет в Березове, пережив светлейшего всего на полтора месяца, умрет сразу после Рождества – 26 декабря 1729 года, в день своего восемнадцатилетия. Не пройдет и месяца, как на другом конце России умрет и ее бывший жених... Этот майский день обручения был последним триумфом светлейшего князя Меншикова.

Но пока он продолжал принимать дары, казалось бы, благосклонной к нему Фортуны: в начале 1727 года Меншиков был объявлен рейхсмаршалом, удостоен чина полного адмирала, а позднее в том же году – и звания генералиссимуса. Но, недооценив своих недоброжелателей, скрытых и явных врагов, Меншиков не смог сохранить своего влияния. Он не хотел довольствоваться своей и без того громадной, властью, чем, в конечном итоге, восстановил против себя весь политический и придворный бомонд.

Настал звездный час Долгоруких: для усиления своего влияния они всячески старались забавами и увеселениями отвлечь императора от занятий делами. Особенно Петр II сблизился с Алексеем Григорьевичем Долгоруким и его сыном Иваном Алексеевичем, который был всего на шесть лет старше царя.

При этом Меншиков по воле злого рока совершает недопустимую для властителя, держащего в руках судьбы других людей, ошибку. Летом 1727 года с ним произошло несчастье – он надолго заболел. Болезнь оказалась опасной: кровохарканье, судороги, лихорадка. Меншиков даже написал два завещания – имущественное и политическое. В последнем он призывал императора учиться, быть верному акту обручения. Но Петр лишь пару раз посетил больного, и вскоре визиты прекратились. Какой смысл был сидеть у постели больного, в сущности, умирающего старика. К тому же Меншиков слишком мало считался с желаниями и капризами довольно строптивого мальчишки, он чересчур обременял того своей властью, полностью контролировал все действия юного императора.

В это-то время неверная Фортуна и покинула светлейшего. Болезнью князя не замедлили воспользоваться его недавние соратники, а теперь враги, недовольные чрезвычайным усилением власти Меншикова, в первую очередь Остерман и князья Долгорукие, люди бесцветные и беспринципные, стоявшие на страже лишь собственных интересов. Их влияние на царя было чрезвычайно велико. При посредстве Ивана Долгорукого, отличавшегося, по отзывам современников, бесшабашностью и распутным образом жизни, Петр много времени проводил в разного рода пирушках, за картами, в обществе девиц легкого поведения, рано пристрастился к алкоголю. За пять недель болезни князя они смогли склонить Петра на свою сторону. Под влиянием А.И. Остермана и князей Долгоруких Петр, давно тяготившийся опекой Меншикова, объявил о расторжении помолвки с его дочерью. 8 сентября Меншикову объявляют предписание Верховного тайного совета о домашнем аресте, а затем и указ императора о лишении его чинов и наград и ссылке. «Полудержавный властелин», по существу, регент государства, был арестован, лишен богатств и званий и сослан в Березов. Созданный им в 1726 году. Верховный тайный совет оказался в руках Долгоруких и Голицыных.

Долгорукие также обошли всемогущего Меншикова и в делах сватовства взбалмошного юнца в короне: Петр II сделал предложение княжне Екатерине Долгорукой, старшей дочери Алексея Григорьевича Долгорукого. 30 ноября 1728 года произошло обручение Петра II с

новой невестой. Петр II огласил указ, по которому все Долгоруковы получали высшие должности при императоре, а свадьба назначалась на 19 января 1730 года. Известно из источников, что брак этот не был по сердцу княжне Долгорукой, она любила другого человека. Но ни отец, ни брат, ни другие родственники о желаниях Екатерины не спрашивали – слишком крупную дичь удалось с ее помощью увлечь в брачные тенета, до дня свадьбы оставалось меньше двух недель.

Следует отметить, что А.И. Остерман играл далеко не главную роль в свержении «полудержавного властелина»: он лишь содействовал клану Долгоруких. Когда это семейство, благодаря дружбе Ивана Долгорукого с малолетним царем, стало быстро набирать силу при дворе и в политике, а Меншиков, открыто помыкавший Петром, – наоборот стал терять свою былую власть, Остерман «поставил» на Долгоруких: иноземец в России (пусть и увенчанный славой искусного дипломата) может вершить свою политику лишь в тесном союзе с русскими олигархами.

Но все-таки треугольник Петр II – Остерман – Долгорукие не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Существует ряд гипотез, по-другому расставляющих акценты в этой интриге. Долгорукие, желая полной власти над императором, хотели отправить в политическое небытие не только Меншикова, которого Петр не жаловал, но и Елизавету, которую император жаловал, и даже очень, еще с тех пор, как Остерман предложил вариант династического брака между ними. Возможно, между ними и не было любовного романа (все-таки разница в возрасте накладывает отпечаток на отношения), но они были очень дружны, и это факт. А по воле Долгоруких Елизавете уже полгода отказывали в праве присутствовать на охотах и балах, а также получать денежное содержание, достойное ее высокого положения.

Остерман пытался отстаивать интересы дочери Петра Великого. Подавленное состояние духа императора, которого мучила совесть за судьбу Елизаветы, после его тайной встречи с Остерманом только усугубилось. Предчувствуя неизбежные перемены с возвышением хитрых, деспотичных Долгоруких, вице-канцлер приехал на Рождество в Москву, надеясь отговорить Петра от бракосочетания. Император слушал, только иногда задавая вопросы о конкретных фактах взяточничества и казнокрадства новых родственников. Можно лишь гадать, что он имел в виду, сказав на прощание Остерману: «Я скоро найду средство порвать мои цепи».

6 января 1730 года, несмотря на сильный мороз, император неожиданно появился на параде московских полков и принимал его с фельдмаршалом Минихом и Остерманом. Возвращался он в толпе придворных невесты Екатерины Долгорукой, следуя за ее санями. Что замыслил коронованный подросток, обманутый в лучших чувствах опытными интриганам Долгорукими, почему не сел в карету Екатерины – остается загадкой.

Дома у Петра начался жар. Врачи обнаружили у него черную оспу и стали ждать кризиса, рассчитывая, что молодой организм справится с болезнью.

Иностранные дипломаты уже вовсю толковали о том, что будет, если случится несчастье. Указывали на четырех возможных наследников престола: цесаревну Елизавету Петровну, бабушку императора Петра II – Евдокию Федоровну Лопухину (монахиню Елену), малолетнего герцога Голштинии Карла Петра Ульриха – сына Анны Петровны, по линии матери внука Петра I – в будущем Петра III и невесту императора – княжну Екатерину Долгорукую. Говорили даже, что князь Алексей Григорьевич Долгорукий хочет обвенчать на смертном одре умирающего императора Петра II со своей дочерью.

В час ночи 19 января 1730 года Петр II пришел в себя. Саксонский посланник Лефорт сообщал в Дрезден, что последними словами царя было: «Заложите лошадей. Я поеду к сестре Наталии». Этот приказ уже не могли исполнить. Вскоре император умер.

Императора не стало за несколько часов до свадьбы.

Особенно горевали Долгорукие – корона империи выпала из их рук в последний момент. В последние часы жизни императора они попытались спасти положение, сочинив фальшивое

завещание Петра в пользу невесты – Екатерины Долгорукой, а князь Иван тут же подделал под ним подпись своего царственного друга, ведь он в свое время развлекал Петра II копированием его почерка. Но фокус не удался, подделка раскрылась. Саксонский дипломат И. Лефорт писал в письме, что Иван Долгорукий, стоявший у дверей покоев, где скончался император, выхватил шпагу и закричал: «Да здравствует императрица Екатерина Вторая Алексеевна!», после чего был немедленно арестован.

Его сестра, та самая Екатерина, прощаясь с покойным женихом, вдруг вскочила с безумным взглядом и, подняв руку, на которой сверкал его именной перстень, объявила: «Петр Алексеевич только что нарек меня императрицей!» Она была посажена под домашний арест, а позднее отправлена в пожизненную ссылку, т. е. повторила путь своей предшественницы, первой невесты юного императора княжны Марии Меншиковой. Уже в сентябре 1730 года Екатерина, сосланная со всем семейством Долгоруких, оказалась в Богом забытом Березове, что неподалеку от нынешнего Сургута, в том самом доме, на той же самой лавке, где до нее умерли Меншиков и его дочь. Страшная судьба для восемнадцатилетней светской красавицы, невесты государя! Потянулись бесконечные долгие годы ссылки, полярной зимы. Но и это не было концом страданий. После громкого дела Долгоруких, когда многие из близких родственников Екатерины были казнены в 1739 году на грязном поле под Новгородом, княжну отвезли в Томск, указ предписывал: постричь в монахини «по обыкновению девку Катерину», так теперь называлась бывшая «государыня-невеста благоверная княжна Екатерина Алексеевна» – и не спускать с нее глаз. Легенды гласят, что Екатерина держалась в монастыре гордо и высокомерно, категорически отказывалась снимать кольцо, подаренное императором при обручении. Освобождение пришло только в 1742 году, когда новая императрица Елизавета сжалилась над Долгорукими. Екатерина вернулась в Петербург, ей шел уже тридцатый год. В 1745 году она вышла замуж за графа А.Р. Брюса. Но молодые не прожили вместе даже медового месяца. Екатерина поехала в Новгород на могилы близких, по дороге простудилась и умерла. Легенда гласит, что перед самой смертью, собрав последние силы, графиня Брюс начала бросать в камин все свои наряды: если не довелось носить ей, пусть же не достанутся никому!

Каким же на самом деле был мальчик-император? Вздорным ничтожеством с ограниченным умом и низменными устремлениями? Или все это было просто издержками переходного возраста, отсутствием систематического воспитания и генами неистового деда?

К 1729 году личность императора многим казалась вполне устоявшейся и малопривлекательной. В его характере были заметны фамильные черты – он был жесток, властен и своеволен. «Царь, – писал саксонский дипломат И. Лефорт, – похож на своего деда в том отношении, что он стоит на своем, не терпит возражений и делает, что хочет». О жестоком сердце и весьма посредственном уме великого князя еще в 1725 году сообщал прусский посланник А. Мардефельд. К мнению коллег присоединяется и англичанин К. Рондо, который отмечает в характере царя признаки «темперамента желчного и жестокого». «Никто не смеет ни говорить ему ни о чем, ни советовать», – писал испанский посол герцог де Лириа. Все окружающие замечали необычайно быстрое, просто стремительное взросление Петра. Жена английского резидента леди Рондо писала в декабре 1729 года: «Он очень высокий и крупный для своего возраста, ведь ему только что исполнилось пятнадцать... Черты лица его хороши, но взгляд тяжел, и, хотя император юн и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного». Особенно внимательно за взрослением Петра наблюдали австрийские дипломаты: по матери, принцессе Шарлотте Софии, он приходился племянником австрийскому императору. Австрийские посланники не могли сообщить в Вену ничего утешительного: император не получает образования, часы учения не определены точно, развлечения берут верх, «государь все более и более привыкает к своеволению».

Как некий обобщающий итог плохого и хорошего в царе можно привести мнение герцога де Лириа: «...хотя и трудно сказать что-либо о будущем характере государя, но можно

было догадываться, что если бы он прожил дольше, то был бы вспыльчив, решителен и, может быть, жесток. В отличие от одного известного царя, он не терпел вина, то есть не любил пить более надлежащего, в отличие от другого – не стучал сапогом, однако, как все цари, не забывал своего высокого сана. Быстро понимал все, но был осмотрителен, любил народ свой и мало уважал другие. Словом, – полагает дипломат, – мог быть со временем великим государем, если бы... поправить недостаток воспитания».

Также де Лириа говорил, что пытался наставить государя на путь истинный: «Я приводил ему в пример короля французского Людовика XV, который, будучи еще ребенком, присутствовал в своем совете, дабы научиться искусству царствовать, также пример нашей покойной королевы Савойской, которая, сделавшись правительницей Испании в 14 лет, имела терпение присутствовать в каждом собрании совета». Но поучения испанского дипломата постигла судьба всех добрых советов.

Скорее всего Петр был живым, сообразительным и, по-видимому, не лишенным способностей, но в то же время упрямым и своенравным отроком, нравом напоминавшим своего великого деда. Но, несмотря на некоторое сходство, царь, в отличие от Петра I, не желал и не любил учиться. По причине же своего юного возраста он не мог должным образом заниматься государственными делами, почти не появлялся в Верховном тайном совете. Это привело вскоре к расстройству всей системы управления, поскольку чиновники, опасаясь немотивированных поступков Петра, не решались брать на себя ответственность за важные решения. Заброшенным оказался Российский флот – любимое детище Петра Великого, к которому юный государь не проявлял никакого интереса.

Говорить о самостоятельной деятельности Петра II, умершего на шестнадцатом году своей жизни, нельзя; он постоянно находился под тем или иным влиянием, являлся орудием в руках какой-либо из многочисленных дворцовых партий того времени. Царствование Петра II было номинальным, он был лишь символической тенью императорской власти. Верховный тайный совет самостоятельно осуществлял все функции высшего государственного управления.

За время короткого царствования Петра II было, однако, издано несколько указов: в том числе указ от 4 мая

1727 года о переносе важных дел из Кабинета прямо в Верховный тайный совет, указы о более правильном сборе подушной подати и об упразднении Главного магистрата; указ 16 июня 1727 года о переносе малороссийских дел из Сената в Коллегию иностранных дел. Вексельный устав 1729-го; указ 29 сентября 1729 года о запрещении духовенству носить мирскую одежду.

Но что самое важное для династии (и России), со смертью Петра II прервался род Романовых по мужской линии, он не оставил потомков. Перед «верховниками» (так называли членов Верховного тайного совета) вновь возникла проблема престолонаследия.

Анна Иоанновна и ее «кондиции»

После внезапной смерти Петра II вновь встал вопрос о наследовании престола. Сенаторы, собравшиеся в ночь смерти Петра II, осмеяли липовые «завещания» Долгоруких и в конце концов склонились к мысли, что «род Петра Великого пресекается» и следует вернуться к ветви его старшего брата Ивана Алексеевича. Это традиционно соперничавшее с Долгорукими семейство Голицыных выдвинуло в наследницы жившую в Митаве Анну Ивановну (или как принято в исторической литературе – Иоанновну), вдовствующую герцогиню Курляндскую, племянницу Петра I (дочь сводного брата Петра I, его официального соправителя в начале царствования царя Ивана и царицы Прасковьи Салтыковой).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.